
Ю. А. РОТЕНФЕЛЬД

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ РАССУДКА К РАЗУМУ

1. Коротко о рассудочном и разумном мышлении

Определение того, что считать рассудком, а что – разумом, всегда находилось в сфере философской науки. Поэтому и считают, что рассудок и разум, выражающие определенные способы теоретического мышления, являются философскими категориями. Осмыслением их содержания начали заниматься уже в античной философии и продолжают это делать по сей день. Причем о разуме всегда говорят как о «высшей по сравнению с рассудком способности познания». Но если **сегодня сущность рассудка более или менее ясна, то определение того, что такое разум, находится под сомнением. До сих пор непонятно, в чем его сущность, чем он похож, а чем отличается от рассудка.**

Согласно И. Канту, например, основной функцией рассудка в познании является мыслительное упорядочение **явлений**. Разум же стремится постичь **сущность** вещей, но не достигает этой цели. Г. Гегель истолковывал рассудок как необходимый момент разумного мышления. Диалектический метод, по Гегелю, на высшей своей ступени предстает как «рассудочный разум или разумный рассудок». Гегель отождествил рассудок с метафизическим пониманием действительности, противопоставляя его диалектике разума. По этому поводу Ф. Энгельс писал, что гегелевское различие рассудка и разума, согласно которому только диалектическое мышление разумно, имеет определенный смысл.

С точки зрения диалектического материализма процесс развития теоретического мышления предполагает взаимосвязь рассудка и разума. С рассудком связана способность умело оперировать понятиями, правильно классифицировать факты и явления действительности, приводить знания в определенную систему, важность

чего не подлежит сомнению. Посредством разума мышление синтезирует результаты познания, создает новые идеи. Опираясь на рассудок, разум раскрывает **сущность действительности. Однако на вопрос, в чем заключается эта сущность, ни диалектический материализм, ни другие философские учения не дают ответа.**

В итоге рассудок и разум воспринимаются как два вида мыслительной деятельности человека, взаимное отношение которых в различных философских учениях понимается по-разному. В то же время по сравнению с рассудком разум всегда и везде признавался в качестве высшей формы мыслительной деятельности, **направленной на познание упорядоченности, гармонии мироздания, на выявление причинно-следственных связей, раскрывающих сущность действительности.** Однако, как правильно заметил в свое время И. Кант, разум, пользующийся средствами рассудка, не способен постичь сущности природных и социальных явлений, поэтому он и остается в границах рассудка. Это замечание И. Канта особенно актуально в отношении социально-гуманитарных наук, дальнейшее развитие которых требует обнаружения **мыслительных средств, определяющих сущность разума,** отделяющих его средства от средств рассудка, выявления сходства и различия этих средств.

2. Кризис гуманитарного мышления

Сегодня во всех бедах цивилизации принято обвинять технократическое мышление, хотя вина лежит не на нем, а на гуманитарном мышлении, поскольку именно гуманитарная компонента культуры не поспевает за развитием ее научно-технической составляющей. В этой связи между двумя частями общечеловеческой культуры возник провал. Не найдя адекватных методов мышления и потеряв ориентиры, гуманитарная культура оказалась лишенной имманентных импульсов к развитию. Она смогла лишь подстраиваться под неуклонно развивающуюся научно-техническую культуру. В создавшихся условиях история человечества стала мыслиться односторонне – только как результат развития человеческого интеллекта, обуславливающего научно-технический прогресс, тогда как другая составляющая мышления, ответственная за осмысление социального прогресса и духовной жизни человека, осталась без внимания.

Поощрение однобокого развития интеллекта и игнорирование развития секулярной веры и социальных действий породило углубляющуюся и расширяющуюся пропасть не только между гуманитарным и технократическим мышлением, но и между двумя составляющими педагогического процесса – образованием и воспитанием, это расхождение к настоящему времени достигло критической черты. Сегодня мы так и не знаем, на какой мировоззренческой основе строить образовательный и воспитательный процесс, однако понимаем, что без решительных изменений в приоритетах образования и воспитания нас ожидает катастрофа.

Большинство гуманитариев считает, что решение этой проблемы можно найти в рамках привычных представлений, в пределах устоявшихся схем. Как карты, они тасуют избитые идеи, но ничего, кроме старых же идей, у них не получается. Попытка собрать под одной крышей наиболее известных ученых-гуманитариев и на основе демократических норм выработать согласованную концепцию ни к чему привести не может, поскольку плюрализм мнений – это не только признак позитивных демократических перемен в обществе, но это – беда: свидетельство всеобщего непонимания социальной действительности, отсутствия взаимопонимания между людьми, которое может быть достигнуто только на основе объективного философского знания.

Вместе с тем философское мышление, лежащее в основании всех гуманитарных и социально-экономических наук, еще в древности потеряло суть главного направления интеллектуального развития, основным содержанием которого является логическая операция «сравнение». Поэтому основными категориями философии должны выступать не только классификационные понятия предельной общности – категории, как это имеет место в современной философии, но и сравнительные понятия, такие общенаучные универсалии, каждая из которых дает объективную точку зрения на мир, в том числе и социальный. Именно по этой причине операция «сравнение» должна стать главной мыслительной операцией, преобразующей философию в общезначимую науку – в **научную философию**, способную преодолеть недостатки гуманитарного мышления, лежащего в основании всей социально-гуманитарной составляющей культуры. Поскольку без соответствующих категорий,

«отражающих наиболее общие, повторяющиеся, устойчивые, внутренние и объективные связи социальной и природной действительности, нет науки. Именно с помощью категорий можно проникнуть в сущность тех или иных явлений объективной действительности»¹.

3. Все познается в сравнении

Выше я уже упоминал о том, что разум **направлен на познание упорядоченности, гармонии, симметрии мироздания, на выявление причинно-следственных связей, раскрывающих сущность действительности**. И, пожалуй, это самое главное свойство разумного мышления, тогда как рассудочное мышление, обусловленное законом непротиворечия в рамках обычного разговорного языка, включающего даже философские категории, лежит в границах принципа, определяемого Аристотелем в качестве «самого достоверного из всех начал». «Невозможно, – пишет Аристотель, – чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении»².

Аристотель сформулировал три основных закона формальной логики, которые составляют ядро рассудочного мышления. И эти же законы являются в то же время логическими основаниями всей науки. При этом **исходными абстракциями, обуславливающими рассудок, являются предельные абстракции отождествления и различения – отношения абстрактного тождества и абстрактного различия**.

Схема 1

СУЩНОСТЬ ЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Тождество – Различие

В древности не случайно считалось, что познание тесно связано с операцией «сравнение», позволяющей выявлять исходные начала бытия, которые назывались «противоположностями». По этому поводу Аристотель замечал, что все его предшественники признают начала противоположности, только у всех эта категория выражала разные отношения к действительности. Поэтому Аристотель

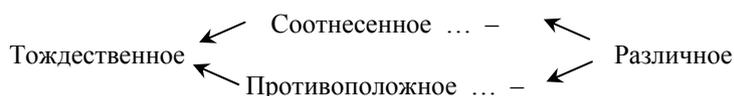
¹ Гобозов, И. А. Социальная философия: учебник. – М.: Издатель Савин С. Л., 2003. – С. 3.

² Аристотель. Соч.: в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 125.

систематизирует различное содержание этого понятия у предшественников и выделяет четыре вида противоположания: «противоречащее», «противоположное», «соотнесенное», «лишенность и обладание». Причем каждое из этих понятий отражает объективную реальность вне зависимости от ее природной или социальной обусловленности. Не вдаваясь в подробности³, их можно преобразовать и представить в следующем виде:

Схема 2

**АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩАЯ ПАРАДИГМА
ПОЗНАНИЯ В НОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Дополняя эту схему новыми категориями, отражающими причинно-следственные связи, общие для природного и социального мира, мы получаем универсальную парадигму познания, наглядно раскрывающую суть рассудочного и разумного мышления, их сходство и различие, их естественную взаимную связь в рамках единства формальной логики и диалектики как конкретно-всеобщей ее формы. При этом точки на схеме 2 обозначают множество не показанных на ней сравнительных понятий⁴.

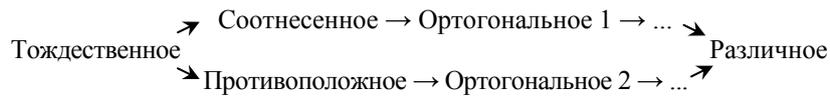
Подобно множеству чисел в арифметике или нотам в музыке, выстраиваем сравнительные понятия в два параллельных ряда и по мере познания окружающей действительности дополняем их все новыми и новыми понятиями, каждое из которых дает **объективную точку зрения** на природный и социальный мир и может быть описано в понятиях симметрии. Как по ступеням, мы будем подниматься от познания тождественности вещей к постижению все более далекого их родства, а значит, к созданию все более полных теоретических моделей, отражающих гармонию и разумность мироздания. При этом сравнительные понятия оказываются в одинаковой мере пригодными для осмысления природных и социальных процессов, что обуславливает собой **единство естественно-научного и гуманитарного знания**.

³ Аристотель. Указ. соч. – С. 121–168.

⁴ Ротенфельд, Ю. А. Неклассическая диалектика. – М.: Луч, 1991. – С. 130.

Схема 3

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ

Верхний ряд универсальной парадигмы познания через понятие «соотнесенное» дает возможность осмысливать **количественное многообразие мира**, поскольку для осмысления «большого» мы научились брать «меньшее» в качестве единицы измерения (**статика – метафизика**). Нижний ряд через понятие «противоположное» дает возможность осмысливать природные и социальные **процессы (динамика – диалектика)**.

Каждое из сравнительных понятий является мыслительной формой, своего рода парадигмой, отражающей упорядоченность реальности, гармонию той или иной ее структуры. Поэтому **каждое из (бесконечного множества) сравнительных понятий, лежащих между тождеством и различием, выражается в понятиях симметрии и антисимметрии и характеризует ступенчатое восхождение разума.**

Схема 4

**УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ,
ВЫРАЖЕННАЯ В СИММЕТРИЙНЫХ КАТЕГОРИЯХ**

Представленная система категорий обуславливает новый тип рациональности, разворачивающий сосуществующие и взаимодействующие между собой элементы действительности в иерархический ряд мыслительных форм – **множества сравнительных понятий, каждое из которых дает объективную точку зрения на рассматриваемую структуру.**

Однако в современной философии, как и во всех остальных социально-гуманитарных науках **с их рассудочным мышлением**, опирающимся на предельные абстракции отождествления и различения, операция «сравнение» и сравнительные понятия так и остались невостребованными и не разработанными до конца. А без них **лишенные разума гуманитарии** не могут ориентироваться в релятивном мире, не могут осмысливать его с объективных позиций. Это касается как природных, так и социальных процессов.

Мой личный опыт свидетельствует о том, что философы упорно не желают выходить за пределы рассудочного мышления, за рамки часто наукообразного рассуждения обо всем мироздании, то есть за пределы банального трепса. И философам это можно было бы простить. Но беда в том, что философия определяет мышление и всех тех, кто в какой-то мере связан с другими направлениями социально-гуманитарного знания. А это социологи и политики, журналисты и писатели, преподаватели вузов и учителя школ, то есть все те, кто учит понимать общество и управляет им. Поистине правильно говорили древние: **«Кого хочет погубить Юпитер, того он лишает разума»**.

Поле своей деятельности философы не смогли сделать наукой, и сегодня они пожинают то, что сами посеяли. Но вместе с тем они загубили и все гуманитарное мышление, не способное давать четкие и однозначные ответы на поставленные жизнью вопросы. Отсюда идеология войн и терроризма, бандитизма и рэкета, фашизма и грубого национализма в их эгоистической, безнравственной, бесчеловечной форме. Отсюда «тотальный цинизм властей по отношению к народам своих стран ...концентрация крупнейших активов и кусков собственности в узких группах родственников высшей элиты и их приближенных, агрессивно-наглая коррумпированность не только чиновников, но и силовиков, и высших политиков»⁵. Происходящие в мировом сообществе (и в наших странах) события подтверждают эти высказывания.

4. Как сделать гуманитарное мышление разумным

В дополнение к уже известным философским и социологическим теориям О. Конта, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, К. Маркса

⁵ Пак, М. Александр Собянин: Для сохранения России и Казахстана нужна «большая чистка» и реабилитация советской эпохи // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1384594.html#144027777#ixzzlH0HrVoGt>

и других мыслителей, создававших свои учения на господствовавших в их время философских методах, в нашу задачу входит внедрение в жизнь нового конкретно-всеобщего метода познания – неклассической диалектики⁶.

В классической диалектике не только Г. Гегель и К. Маркс, но и многие другие мыслители, жившие после них, видели объективную науку о **наиболее общих законах** развития природы, общества и мышления. Среди этих законов в первую очередь выделялся закон единства и борьбы противоположностей, на данные отношения еще в древности многие смотрели как на **начало всех начал**, обусловливающее **единство естественно-научного и гуманитарного знания**. Но беда в том, что и в самой философии, и во всех других направлениях социально-гуманитарного знания понятие «противоположности» использовалось в предельно широком смысле – как **абстрактно-всеобщее** понятие, включающее в себя бесконечное множество **конкретно-всеобщих** смыслов. **Это главный недостаток**, претендующей на разумность классической диалектики, как и всего социально-гуманитарного знания.

В этом отношении наиболее обоснованную позицию, как мы видим, занимал Аристотель, который за понятием «противоположности» закрепил один и только один смысл, понимая **противоположности как «избыток» и «недостаток» какого-либо субстрата относительно положения равновесия**⁷. При этом Аристотель с его ориентацией на эмпирические исследования и наблюдения выделяет и три других вида противоположания, а это «противоречащее», «соотнесенное», «лишенность и обладание». Все выделенные им понятия конкретны, поэтому они могут быть использованы для построения конкретно-всеобщей теории развития. Исключение составляет оппозиция «лишенность и обладание», поскольку она выражает собой частный случай «соотнесенного», когда одна из соотносимых сторон вырождается до состояния «лишенности», приобретая нулевое значение. Поэтому категория «лишенность и обладание» явно не включается в универсальную парадигму познания, варианты которой показаны на схемах 2, 3, 4.

Причем если «соотнесенное» имеет смысл только по отношению друг к другу, то «противоположное» рассматривается Аристо-

⁶ Ротенфельд, Ю. А. Указ соч.

⁷ Аристотель. Указ. соч. – С. 121–168.

телем не иначе как избыток и недостаток относительно «промежуточного». Например, «большое» и «малое» по отношению друг к другу являются соотнесенными понятиями, а по отношению к «промежуточному» являются противоположностями. Разобраться в двух этих понятиях, **дающих объективные точки зрения**, помог широко применяемый еще в древности **«образ весов»**.

Другой древний образ – **образ натягиваемого лука**, он давал наглядное представление о другом противопоставлении – об **ортогональной диспозиции**⁸, раскрывающей взаимодействие не одной, а двух неразрывно связанных между собой пар противоположностей. Одна из них, сходящаяся пара, связана с концами натягиваемого лука, тогда как другая, расходящаяся пара, располагается на участке стрелы, заключенной между тетивой и древком лука. Первооткрывателем этой мыслительной формы в Древней Греции был Гераклит, предлагавший для осмысления циклических, то есть обменных, процессов использовать понятие **«сходящееся – расходящееся»**, обусловленное «гармонией лука и лиры».

Но все попытки, направленные на введение в социально-гуманитарное знание ортогональной диспозиции, отражающей энергетику природных и социальных ритмов (циклов, колебаний, обменов, волн), оказались абсолютно невостребованными. Мышление современных гуманитариев также отторгает эту абстракцию, показывая тем самым свою неспособность стать разумным.

Стремление основателя социологии О. Конта и других ученых применить методологию естественных наук для обоснования новой позитивной науки – «социальной физики», пригодной для объяснения явлений и фактов социальной жизни, не привело к желаемой цели лишь по одной причине – отсутствия адекватных понятийных средств, которыми являются сравнительные понятия.

Признание того, что во всех явлениях и процессах природы, общества и мышления обнаруживаются структуры, которые Аристотель обозначил словом «противолежание», несколько не противоречит правильному допущению Гегеля о том, что между абстрактным тождеством и абстрактным различием как предельными абстракциями отождествления и различения находятся отношения,

⁸ Ротенфельд, Ю. А. Указ. соч. – С. 86–88.

которые он обобщил понятием «конкретное тождество». Но определение этого понятия как «тождество противоположностей» неверно, поскольку противоположности – это только одно из множества конкретных различий, входящих в состав «конкретного тождества».

Претензия классической диалектики на предельную всеобщность привела к тому, что ее категории стали настолько всеобщими, абстрактными, что потеряли всякую возможность отражать реальность. Ибо все возможные в природе и обществе виды конкретных различий стали называться одним словом – «противоположностями», а все процессы сводились к борьбе этих мифических «противоположностей», многие из которых противоположностями не были. Вот и получилось, что на такой сомнительной абстрактно-всеобщей диалектико-логической базе, которую создал Г. Гегель, построить действительно научный метод познания было **невозможно**.

Смысл предлагаемого метода в том, что, **совершая восхождение от абстрактного к конкретному**, следует дифференцировать гегелевское понятие «конкретное тождество» на бесконечное множество более конкретных понятий, определяемых нами как «конкретные различия». Поэтому о рассудке, обусловленном отношениями абстрактного тождества и абстрактного различия, можно без сомнения говорить как об **абстрактном разуме**. А значит, и о его восхождении к **конкретному разуму**, обусловленному всеми другими конкретными различиями, лежащими между предельными абстракциями отождествления и различения, – отношениями, которые мы называем **«сравнительными понятиями»**.

В результате такого восхождения мысли в духе научных революций Томаса Куна⁹ строится универсальная парадигма познания – метапарадигма (схемы 3, 4), которая приводит к отказу не только от трех предельно общих законов диалектики, но и от понятия «диалектическое противоречие» как источника «всякого движения и развития». **Ибо источником движения не только в неживой природе, но и в обществе выступает разность энергетических потенциалов, обусловленная отношением противоположностей.**

⁹ Ротенфельд, Ю. А. О рациональном понимании науки // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 8. – С. 68–82.

Все это говорит о необходимости дальнейшего развития и учения Аристотеля о «четырех видах противоположения», которое может быть пополнено бесконечным множеством новых категорий – сравнительными понятиями, и гегелевского учения о **«конкретном тождестве»**, дифференциация которого на **«конкретные различия»** должна будет пойти по намеченному Аристотелем пути.

В поиске современного метода познания мы обратились именно к Аристотелю, которого часто называют предшественником О. Конта, поскольку в его учении уже имеются основы **конкретно-всеобщего** философского знания, заложенные им в основание двух неразрывно связанных способов осмысления мира – **логики и диалектики**, обуславливающих **абстрактный и конкретный разум**, то есть **рассудочное и разумное мышление**. Но если логика, выявляя формально-логические связи, обусловленные предельными отношениями тождества и различия, сумела стать современной общепризнанной наукой, то диалектика как способ осмысления причинно-следственных связей, обусловленных другими видами противоположения, так и осталась на распутье.

Поэтому в нашу задачу входит восстановление в правах аристотелевских «видов противоположения» и пополнение их множества новыми конкретно-всеобщими категориями, каждая из которых отражает саму **суть** реальности – природной и социальной.

При помощи обычного разговорного языка и философских категорий как предельно общих классификационных понятий **невозможно** получить теоретическое знание. Все они обуславливают собой только самую первую, **рассудочную**, формально-логическую ступень познания, опирающуюся на предельные отношения тождества и различия, способные выявлять только самые общие свойства реальности. Для **теоретического социально-гуманитарного знания** нужны другие, **сравнительные понятия**, дающие **объективные точки зрения для разумного осмысления мира, его структурных многообразий**. Поэтому предлагаемый метод ставит преграду на пути безмерного размывания границ **социально-гуманитарного знания, проводимого под эгидой рассудочного мышления, обуславливающего плюрализм мнений в философии и мультипарадигмальность в социологии**. Но это имеет

смысл лишь в том случае, если под теоретической философией мы понимаем строгую объективную науку.

Так, например, подошел к анализу капиталистического общества К. Маркс, который впервые в новоевропейской философии применил метод восхождения от абстрактного к конкретному. Как настоящий ученый, он начинает свое исследование с обмена товаров – той «клеточки», которая, как черт в табакерке, скрывает менее сложные конкретно-всеобщие мыслительные структуры. А это «соотнесенное», «противоположное» и «ортогональное». Но именно эти отношения проявляют себя во взаимодействии меновой и потребительной стоимостей, обуславливая свободный обмен товаров в капиталистическом обществе.

Важным здесь является то, что отношение обмена товаров К. Маркс понимал не иначе как взаимодействие двух пар, смещенных относительно друг друга на четверть периода действительных противоположностей, а именно: в виде отношения меновой и потребительной стоимостей, которые, кстати сказать, противоположностями по отношению друг к другу не являются, но которые К. Маркс называл «противоположностями».

Действительными «противоположностями» в обменном процессе выступают две «меновые стоимости» и две «потребительные стоимости». Это видели и К. Маркс, и Ф. Энгельс, поскольку в «Капитале» четко указано, что «товары уходят как меновые стоимости» (одна, сходящаяся, пара противоположностей. – Ю. Р.), «а приходят как потребительные стоимости» (другая, расходящаяся, пара противоположностей. – Ю. Р.). Однако свое понимание данного процесса как суперпозиции двух пар противоположностей, обуславливающих энергетику социального процесса, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс и никто другой не сумели зафиксировать в адекватных конкретно-всеобщих понятиях, обуславливающих многообразие природных и социальных ритмов.

Поэтому диалектика **К. Маркса** – это всего лишь намек на **конкретно-всеобщий метод познания, который в корне отличается от абстрактно-всеобщего донаучного и даже от логического гегелевского метода.** В учении К. Маркса восхождение от абстрактного к конкретному надо воспринимать не иначе как переход

от абстрактно-всеобщей гегелевской диалектики к конкретно-научной ее форме.

Так какую же из двух принципиально различающихся форм диалектики: абстрактно-всеобщую гегелевскую диалектику или конкретно-научную диалектику «Капитала» – следует считать марксистской?

В целом же «понимание» особой, диалектической логики «Капитала» остается до сих пор ограниченным, и не только абстрактно-всеобщими измышлениями в духе трех гегелевских законов, но и в корне неверными рассуждениями о диалектическом противоречии как источнике движения и развития. Мы же, ограничивая абстрактно-всеобщий способ диалектического мышления сферой рассудка (абстрактного разума), вынуждены признать, что К. Маркс правильно ориентировал свое мышление в русле конкретной диалектики. Поэтому вслед за Марксом будем исследовать социальные процессы в духе использованного им конкретно-научного диалектического метода мышления, избегая при этом допущенных им просчетов.

5. Общество как процесс: коперникианская парадигма истории

Для разумного осмысления общественных процессов, проведенного по образу и подобию естественных наук, мы будем использовать конкретно-всеобщий диалектический метод, основные категории которого представлены в универсальной парадигме сравнительными понятиями.

Прежде всего рассмотрим понятие ортогонального как той «клеточки», которая позволяет осмысливать любые циклические или обменные процессы, осмысление которых мы находим, например, в теории социального обмена Дж. Хоманса, П. Блау и др. Причем с новых объективных позиций можно осмысливать не только отношения буржуазного общества, не только отношения между конкретными людьми на уровне микросоциальных процессов, но и более широкий макросоциальный спектр общественных отношений, положенных в осмысление формационного членения истории. На этой основе удалось выделить не одну, как это сделал К. Маркс, а **четыре** связанные между собой, но принципиально различаю-

щиеся формы социального обмена. Две из них принудительные, а две другие – свободные.

Первая форма социального обмена самая примитивная – **тираническая**. И она же **самая безнравственная**, поскольку основана на личном эгоистическом интересе, на жесточайшем насилии. Она определяется тем, что продукты человеческой деятельности или любые другие стоимости передаются в обмен на сохранение жизни – самой значительной ценности для людей. Эту форму обмена можно обозначить формулой «жизнь или кошелек».

Вторая форма меновых отношений – **крепостническая** – связана с ограничением, но не с исключением насилия. Однако уже здесь лишение человека жизни считается недопустимым. Она основана на менее явственном (**разумном**) эгоизме.

Третья форма обмена – **либеральная** – обуславливает изменение социальных взаимодействий в противоположном направлении и дает стимул для перехода **от эгоизма к альтруизму**, поскольку утверждает ненасильственный, свободный и взаимовыгодный обмен. На смену силовой, авторитарной формы организации общества приходит самоорганизация, основанная на свободе, ненасилии, на взаимном личном интересе и получении прибыли. Сущность либеральных отношений определяется свободным и всеобщим обменом результатами человеческой деятельности, приобретающими форму товара. При этом отношения личной зависимости и получение пользы только одной стороной уходят в прошлое и уступают свою роль взаимопользованию.

Четвертая форма обмена – **сервистическая**¹⁰ (от английского service – служба) – обуславливает наиболее полное единство личного и общественного интереса. Она возникает на основе **отношений взаимного служения**. Ее особенность в том, что человек добивается своих личных целей не через господство над людьми при помощи первых двух форм обмена, и даже не посредством либеральных отношений. Он добивается успеха через служение обществу или конкретным людям. Зачатки или даже сами эти отношения мы можем увидеть, например, в **служении** бизнесменов своим покупателям, политиков – в **служении** народу, верующих – Богу и т. д.

¹⁰ Ротенфельд, Ю. А. Миссия Патриарха. Философские начала мудрости. – СПб.: Европейский Дом, 2008. – С. 154.

Обнаруживаем, что отношение межличностного обмена, гуманизируясь и плавно переходя из одной формы в другую, включено в другой, более глобальный ритм истории, что само по себе совмещает повседневно-жизненный (микросистемный) и макросистемный уровни социального диалектико-логического анализа. Аналогией может служить суточное движение Земли вокруг своей оси и ее сезонное движение вокруг Солнца. Однако более точной аналогией является сравнение социальных микро- и макроуровней с частотой колебаний атомов и молекул на микроуровне, обуславливающих температуру вещества, и четырех его макроуровневых агрегатных состояний, как это заметил в свое время Огюст Конт.

Это значит, что **парадигма Н. Коперника** оказывается пригодной для осмысления взаимосвязи локальных (микро-) и глобальных (макро-) социальных ритмов (взаимодействий), лежащих в основе формационной (классовой) модели общества. Причем на все эти ритмы накладывает свой отпечаток субъективный фактор, деформирующий их строгую синусоидальность.

Первые три формы общественных отношений уже имели место в истории общества и определяли степень его социальной зрелости и классовый состав. Это рабовладельческие, феодальные и капиталистические отношения. Что же касается четвертой, не осмысленной К. Марксом «сервистической» формы обмена, то ее появление и повсеместное утверждение, как и предыдущих трех форм, не фатально. Оно вероятно, поскольку напрямую **зависит от наших сегодняшних самореализующихся ожиданий** (К. Поппер), во многом обусловленных наукой и доминирующим моральным воспитанием. При этом **главной движущей силой исторического процесса выступают потребности людей**, которые удовлетворяются не иначе как посредством того или иного отношения обмена. «Но удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, ибо новое производство порождает новые потребности. А удовлетворение новых потребностей требует нового производства предметов потребления. Такова диалектика производства и потребления. Так Маркс формулирует закон возрастания потребностей»¹¹.

¹¹ Гобозов, И. А. Указ. соч. – С. 86.

Рис. Коперникианская парадигма истории

Поэтому главным в четырех формах обмена является то, что они в основном подтверждают обоснованность выводов К. Маркса об «общественно-экономических формациях», которые во многом правильно отделяют одни исторические периоды от других. Кроме того, они убеждают, что на межличностном (дифференциальном) уровне социальная энергетика проявляет себя в виде тех или иных форм обмена ресурсами, тогда как на интегральном (общесоциальном) уровне она проявляет себя в виде взаимодействия противоположных и ортогональных классов. Становится, наконец, понятным, что **основное содержание классовой борьбы сводится не к борьбе противоположных классов, в рамках той или иной общественно-экономической формации, как считали, например, К. Маркс и многие другие мыслители, а к борьбе ортогональных классов, определяющих движение общества от менее высокой ступени развития к более высокой.**